

DOI 10.25991/VRHGA.2019.19.3.008

УДК 128

М. А. Маслин*

«МАРКС-НАРОДНИК» ПРОТИВ «МАРКСА-РУСОФОБА»

Ключевую роль для понимания эволюции мировоззрения Маркса играет концепция России — от русофобии до итогового признания центральной роли России в будущих социальных изменениях периферии капитализма, сменившего идею линейного прогресса I тома «Капитала».

Ключевые слова: Россия, Маркс-руссофоб, Маркс-народник, «Третий Маркс», народничество, периферия капитализма, революция, община.

M. A. Maslin

«MARX-NARODNIK» AGAINST «MARX-RUSSOPHOBE»

Conception of Russia plays decisive role for understanding of Marx's world view — from the Russophobia through the final evaluation of the Russia's central role in future social changes in periphery of capitalism coming after the idea of linear progress in volume I of "Capital".

Keywords: Russia, Marx-Russophobe, Marx-narodnik, «The Third Marx», populism, periphery of capitalism, revolution, obschina.

Настоящей иронией истории является то, что марксизм как новейшее революционное учение Запада восторжествовал в том государстве, которое сам Маркс не любил и считал оплотом не революции, а реакции. Маркс приступил к изучению России очень поздно, лишь в последнее десятилетие своей жизни, а в шестидесятые и, особенно, в пятидесятые годы его воззрения на Россию можно назвать типично русофобскими и славянофобскими. Особенно показательным в этом отношении является сочинение под названием «Секретная дипломатическая история XVIII века», написанное после Крымской войны и представляющее собой настоящую коллекцию антирусских штампов и предубеждений, глубоко укоренившихся на Западе и воспроизведенных Марксом.

---

* Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Оно было подготовлено к печати дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг и вышло в свет в Лондоне уже после ее смерти [12].

Этот текст был «забыт» или его специально «забыли» в советское время. Его активное обсуждение (не в России, а за рубежом) началось только «с подачи» марксмологов и специалистов в области Russianstudies, которые, в отличие от советских научных коммунистов, имели несравненно большие возможности доступа к первоисточникам и их комментированию. На языке оригинала «Секретная история» была переиздана в 1969 г. в Лондоне и Нью-Йорке, в переводе на французский — в 1954 г., на немецкий — в 1960, 1977 и 1981 гг., на польский — в 1967 г., на итальянский — в 1977 г.; существует также перевод на китайский [5]. Однако этот текст никогда не входил в советские издания сочинений Маркса по вполне понятным причинам: его опубликование прямо противоречило бы мифу о «всестороннем знании» Марксом России. Вот что пишет Маркс, «всесторонне и глубоко» изучивший Россию:

Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преобразованная Московия... Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином (прекрасное подтверждение знания Марксом диалектики «раба» и «господина» в гегелевской «Феноменологии духа». — М. М.). Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира [5].

Очевидно, что Маркс в своих инвективах в адрес России не опирался на какие-либо исторические документы, а скорее всего, некритически позаимствовал из фальсифицированного т. н. секретного «Завещания Петра Великого», игравшего в русофобских кругах роль «фейка», подобную «Протоколам сионских мудрецов» в кругах антисемитов. Очевидно, что уровень Марксова незнания России определялся общим невежеством Европы, и Маркс попросту разделял господствующие на Западе антирусские штампы и предубеждения. Кроме того, неприязнь Маркса к Российской империи была вызвана тем, что она, наряду с другими державами Священного Союза, воспринималась им в качестве главного барьера на пути реализации в истории «величайшей из европейских держав», имя которой Революция.

Антитеза «Россия — Революция» объясняет причины Марксовой и шире — европейской русофобии, впервые раскрытые в политической публицистике Ф. И. Тютчева, который явился пионером объяснения этого феномена в европейской идеологии. Согласно Тютчеву, причины противостояния России и Революции до сих пор стремились искать в области сугубо политических идей, хотя в действительности «распря, разделяющая Революцию и Россию», гораздо глубже и определяется цивилизационными факторами, в конечном итоге — конфессиональными основаниями, ибо Россия прежде всего христианская держава. «Революция же прежде всего — враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное

свойство» [9, с. 144]. Тютчев вместе с тем стремился показать, что Россия вовсе не чужда Европе, но, напротив, является «законной сестрой» христианского Запада, вопреки тем прогрессивным западным политикам, которые стремятся вытеснить Россию из Европы если не силой оружия, то силой презрения. Западное смещение страха и ненависти, лежащее в основе русофобии, проистекает и от незнания, поскольку ученые и философы Запада «в своих исторических воззрениях упустили целую половину европейского мира».

В основе европейской русофобии, стереотипы которой разделял и Маркс до начала 1870-х гг., лежало отнюдь не сравнение России как своеобразной части христианской Европы, пережившей совместно с ней Просвещение, с передовыми европейскими государствами, но противопоставление им «этой» страны и отделение ее от них. Россия представлялась Марксу неспособным к социальным изменениям полуазиатским обществом, принципиально не отличающимся от восточных деспотизмов типа Китая, Турции, Персии, Индии. Правда, концепция «восточного деспотизма» и «азиатского способа производства» отчасти выглядела как отступление от разработанной Марксом эволюционистской теории общественно-экономических формаций, поскольку предполагала, что историческое развитие значительной части человечества вовсе не подчиняется однолинейной эволюционной теории I тома «Капитала», согласно которой Англия как наиболее развитая капиталистическая страна должна показывать всем другим странам их будущее. Но этому не суждено сбыться т. к. дистанция между восточными деспотизмами и регионами передового капитализма слишком велика. Отсюда очевидно, что и Россия обречена на стагнацию ввиду ее «непохожести», антиреволюционности и отсталости от передовых капиталистических стран. Потому она вызывала в глазах Маркса-революционера и, добавим, русофоба лишь презрение. В этом, так сказать, собственно «марксистское», исходящее из логики автора «Капитала» объяснение феномена Марксовой русофобии.

Оставаясь по-прежнему ненавистником российского самодержавия, Маркс в период после «Капитала», т. е. в течение десяти с небольшим последних лет своей жизни, открывает для себя другую Россию в лице революционеров, социальных мыслителей и общественных деятелей. В 1872 г. народниками во главе с Н. Ф. Даниельсоном был осуществлен перевод I тома «Капитала», за десять лет до того, как он вышел в свет в Англии. Эта русская публикация оказалась к тому же первым иностранным переводом, что, несомненно, должно было произвести впечатление на автора. Такие события, как поражение Парижской коммуны и завершение к 1872 г. деятельности Маркса в I Интернационале, также не могли не повлиять на его взгляды относительно революционного будущего Европы. Поскольку с упадком надежд на перспективы революции в Западной Европе все революционные новости стали приходиться из России, Маркс делает шаг в направлении более сложной и более реалистической концептуализации глобального многообразия общественных форм. Главным предметом научного интереса Маркса становится изучение «периферии капитализма», прежде всего России, и сбор разнообразных материалов относительно аграрных некапиталистических обществ, существующих в капиталистическом мире. Необходимость такого изучения определялась тем, что в I томе «Ка-

питала» не содержалось каких-либо ссылок на возможность использования в целях социальных изменений таких традиционных докапиталистических институтов, как община.

Выбор Марксом-экономистом России как главного объекта изучения «периферии капитализма» объяснялся не только ее географическим положением; она была ближе, чем Индия и Китай, в смысле человеческих контактов, доступности сведений о ней и в смысле возможности изучить русский язык. Россия, с одной стороны, характеризовалась политической независимостью и мощным государством (правда, с нелюбимой Марксом абсолютной монархией), а с другой стороны, была зависимой от международного капитала, поскольку находилась на периферии капиталистического развития. В то же время Россия обладала колоссальными человеческими ресурсами, многочисленным крестьянством и быстро развивающейся промышленностью и, соответственно, быстро развивающимся обществом. Так что поворот Марксова интереса объяснялся не какой-то особой «любовью к России» — ее вовсе не было, как было показано выше. Это было концептуальное чутье великого экономиста и социального теоретика.

Маркс был по настоящему вовлечен в изучение обширного наследия русского народничества, собирал многочисленные русские материалы, составившие целую русскую библиотеку, делал многочисленные выписки, которые на сегодня еще не опубликованы в полном объеме. Тем не менее он не смог дать окончательного ответа на вопрос В. И. Засулич относительно возможности перехода России к социализму через общину. Существует четыре варианта ответа Маркса на обращение В. И. Засулич, каждый из которых не является финальным, что само по себе свидетельствует о трудности и важности темы. Прежде чем написать первый вариант ответа, Маркс размышлял целых три недели (!). «Всемирно-историческая» парадигма «Капитала» здесь оказалась недостаточной, поскольку она не вела к осознанию существенно разных путей, по которым различные общества стремятся идти к лучшей жизни.

Обращение в последние 10–12 лет жизни к русским материалам, к сочинениям Берви-Флеровского, Герцена, Чернышевского, к документам партии «Народная воля» позволило Марксу подойти к созданию более гибкой теории социального изменения, которая учитывала бы неравномерность и асинхронность движения разных обществ к социализму. При этом, в отличие от Энгельса, Маркс не стремился построить нормативную концепцию «научного социализма» и отвергнуть весь утопически-социалистический «хлам» от Морелли до Вейтлинга как исторически и концептуально ущербный и нереалистический. Достаточно сравнить высокие оценки, данные Марксом Чернышевскому как «великому ученому» (в устах Маркса это небывалый, поистине редкий комплимент) с энгельсовскими карикатурными характеристиками Лаврова как «эклектика», Ткачёва как «зеленого гимназиста, висящего в воздухе» и т. п.

Негативное отношение Энгельса к общинному социализму народников во многом объяснялось тем, что его главным советником по России выступал Плеханов, сам проделавший эволюцию от народничества к марксизму и потому считавший народничество пройденным этапом русской общественной мысли, несравнимым по своей научной ценности с марксизмом. Демократи-

чески настроенная часть русской интеллигенции, находившаяся под влиянием идей П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, предприняла «хождение в народ» для того, чтобы «отдать свой долг народу», однако не получила поддержки со стороны таких влиятельных либералов, как Б. Н. Чичерин и другие представители т. н. государственной школы, которые считали общину не коренным русским институтом, а созданием государства. Характерно, что народнические идеи, в т. ч. идея общины и круговой поруки, были поддержаны частью консервативного идейного спектра, например «почвенником» Н. Н. Страховым. Однако другие, более «правые» консерваторы, такие как М. Н. Катков, стояли в вопросе о судьбе общины не на «русской», а на «европейской» точке зрения, считая взгляды народников отсталыми и несовременными.

Народническая защита общинного землевладения и круговой крестьянской поруки в период после Крестьянской реформы, согласно Каткову, является в действительности защитой помещичьей архаики и помещичьего права, а не позицией «ревнителей свободы и благосостояния», как считал его оппонент Н. Н. Страхов [4]. Эти институты являются продолжением крепостного права, а вовсе не «палладиумом и святыней русского народа». Еще большее неприятие вызвала у Каткова оценка Страховым народных начал и всего общего строя русской цивилизации как цивилизации иной, чем европейская. В. И. Ленин оценивал народничество, особенно в своих ранних работах, таких как «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», как ни странно, похожим образом, как и «шовинист и бешеный черносотенец» (слова В. И. Ленина) М. Н. Катков считая, что избежать неприятного капитализма в России, «страдающей не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития», не удастся. Правда, в своих последних работах, таких как «О кооперации», «О нашей революции» и «Как нам реорганизовать Рабкрин», Ленин фактически встал на народническую точку зрения, предложив X съезду РКП(б) в качестве основы нэпа свой вариант теории кооперации, разработанной ранее Н. К. Михайловским и В. М. Черновым, т. е. в действительности X съезд РКП(б) принял народнически-эсеровскую программу, хотя ни в каких партийных резолюциях и решениях ссылка на первоисточник не зафиксирована.

В определенном смысле Ленин на исходе своей жизни проделал ту же, что и Маркс, эволюцию в народническом направлении, хотя времени на эту эволюцию было отпущено слишком мало. Впрочем, Ленин, посвятивший большую часть своих трудов партийно-теоретической борьбе с народниками, «легальными марксистами», меньшевиками, эсерами и другими течениями, никогда не стеснялся заимствовать некоторые идеи своих оппонентов (разумеется не всех, а «на выбор»). Например, его знаменитое учение «о двух культурах в каждой национальной культуре» было в переработанном виде взято у Карла Каутского. (Заметим по поводу отмеченного выше противоречивого переплетения «pro et contra» в оценке народничества, что оно находит подтверждение в общей рабочей концепции автора этих строк, изложенной в его монографии и положенной в основу понимания специфики русской философской мысли [7].)

Как известно, Энгельс явно тормозил обнародование знаменитого письма Маркса в редакцию «Отечественных записок», обнаруженного после его смерти. То же можно сказать и об отношении к «народническому Марксу» со стороны таких вождей марксизма, как Каутский и Плеханов сотоварищи. Это относится и к замалчиванию письма Маркса к В. И. Засулич и его вариантов. Эти письма были открыты Д. Рязановым в 1911 г., но опубликованы в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» лишь в 1924 г. Эсеры в эмиграции, наоборот, с энтузиазмом приветствовали публикацию письма Маркса. В. Зензинов считал его доказательством того, что в вопросах будущего России «Маркс определенно был на стороне народничества» [3, с. 401]. Другой видный эсеровский теоретик В. М. Чернов расценивал это письмо как доказательство верности эсеровской теории крестьянской революции, аграрной программы и аграрной тактики, отождествляя программу Маркса и программу эсеров [10, с. 128]. В дальнейшем в советском марксоведении была выстроена глянцева картинка обожания Марксом русской революции без всякого упоминания о его настоящей русофобии и преодолении ее самим Марксом в последнее десятилетие его жизни.

В мышлении Маркса в начале 1870-х гг. действительно произошли важные изменения, заставившие его пересмотреть чрезвычайно распространенные в Европе русофобские стереотипы, а заодно и собственные взгляды. Эти изменения (без упоминания прошлой русофобии) признавались и советскими марксистами, однако они оценивались главным образом в эмоциональном ключе, объяснялись сочувствием русскому революционному движению и оставляли в стороне фундаментальные аналитические причины обращения Маркса к русскому опыту. Эти изменения настолько существенны, что известный английский марксолог и руссиевед русского происхождения Теодор Шанин (москвичам хорошо известно созданное Шаниным и успешно функционирующее частное высшее учебное заведение — «Московская высшая школа социальных и экономических наук», в просторечии «Шанинка») выдвинул оригинальную концепцию существования «третьего», «народнического» Маркса в добавление к «раннему Марксу» и «Марксу I тома “Капитала”» [11]. Под общей редакцией Теодора Шанина в 1983 г. была опубликована фундаментальная коллективная монография с участием известных западных марксологов, куда наряду с освещением взглядов «третьего Маркса» были включены тексты русских мыслителей, представляющие репрезентативную совокупность источников его позднего мировоззрения. Разумеется, изменения во взглядах Маркса не означали, что он «сделался народником», а члены «Народной воли» — марксистами. Их движение навстречу друг другу было настоящим творческим союзом. Это указывает на то, что Маркс солидаризировался с настоящими революционерами, а не с кабинетными догматиками, бюрократами от марксизма. Замалчивание изменений в мировоззрении Маркса со стороны «блюстителей аутентичного марксизма» в лице теоретиков II Интернационала и советских «марксистов-ленинцев», как представляется, создало предпосылки для последующей известной догматизации марксизма, не допускавшей никакого разномыслия даже в самих его пределах.

Шанин пишет о том, что в последнее десятилетие жизни у Маркса стало укрепляться убеждение, что наряду с ретроградной официальной Россией,

которую он всегда атаковал как знамя и жандарма европейской реакции, вырастает другая, неизвестная ему ранее Россия, Россия союзников по революции и радикальных ученых, серьезно занимающихся теоретической работой [11, с. 7]. Об этом убеждении свидетельствует изучение Марксом в оригинале трудов Н. Флеровского (Берви), Н. Г. Чернышевского, Н. Ф. Даниельсона, аспекты разнообразных русских литературных источников. Т. Шанин пишет:

Три источника аналитической мысли Маркса, отмеченные Энгельсом — немецкая философия, французский социализм и британская политическая экономия должны быть по праву дополнены четвертым — русским революционным народничеством [11, с. 20].

Причем внимание к русскому опыту активизировало внимание Маркса не только к собственно русским источникам, но и к «периферии капитализма» в более широком смысле. Поэтому Маркс изучил большое количество не только русских, но и европейских источников по экономике, истории, статистике, этнографии докапиталистических обществ — работы А. Гакстгаузена, У. Карлтона, Ш. Летурно, Г. Мэна, Р. Зома, Л. Моргана, Ф. Карденаса, Г. Хансена и др. [6].

К сожалению, критически важные исследования «третьего Маркса», осуществленные Теодором Шаниным, не оставили сколько-нибудь заметного следа в отечественной «перестроечной» гуманитаристике, занятой главным образом поиском «пророков в чужих отечествах» и приученной «не тревожить» догмы учебников истмата, превратившиеся в мнимый «эквивалент науки». В действительности же проклятие советского догматизма, не позволившее понять глубину прозрений «народнического Маркса», заслонило истинную сущность марксизма, который в 1870-х гг. представлял собой творческую совокупность идейных и революционных групп различных европейских интеллектуалов — диссидентов, враждебных бюрократам и доктринерам. Этот «марксизм самого Маркса» подпитывался в т. ч. из русских источников, нисколько не отрицающие возможности идейного сотрудничества с иными, «немарксистскими» идейными и революционными течениями.

Маркс как творческий мыслитель сумел разглядеть в членах одной из таких творческих национальных групп, причем даже не являвшихся его безусловными сторонниками, креативный потенциал, способный пересмотреть концепцию истории как однолинейного прогресса, ушедшую в прошлое с окончанием XIX в. И это при том, что столь чтимый Марксом Чернышевский был *абсолютно равнодушен* к марксизму (!), оставаясь фейербахианцем (хотя ведь знал о существовании «Капитала»), а Лавров признавал марксизм как теорию, применимую лишь к Европе, но никак не к России. Последнее можно сказать о большинстве народнических теоретиков, бывших действительными пионерами распространения идей марксизма, но не ставших марксистскими догматиками. Это означает именно то, что Маркс признал право на существование и оценил реалистическое, а не утопическое содержание не только пролетарского, но и *крестьянского социализма*, что не могло понравиться Энгельсу, все больше расходившемуся в теории с Марксом. Другой верный адепт «сугубо научной» версии марксизма, Плеханов, также не мог согласиться с тем, что

Россия может иметь какие-либо перспективы на социализм, не пройдя до этого через горнило буржуазной революции. Однако историческая действительность XX в. показала, что все его главные революционные события произошли не в развитых, как полагал Маркс периода I тома «Капитала», а в развивающихся странах периферии капитализма с преобладающим крестьянским населением, таких как Россия, Турция, Иран, Мексика, Китай.

В заключение следует заметить, что богатое социально-философское наследие русского народничества, ставшее творческим стимулом для мышления Маркса в последнее десятилетие жизни, в современной России оказывается невостребованным. Сегодня, к сожалению, не существует наследников, которые могли бы оцениваться как продолжатели и защитники русского народничества. Исключение составляет только анархистское течение, которое, впрочем, позиционируют не одни лишь последователи народничества, а представители разных в мировоззренческом отношении групп, существующих в разных странах, в т. ч. в России. Весьма широкое представление о прошлом и современном русском анархизме дает репрезентативная антология, отражающая все его основные оттенки [2]. (Примером активности современных анархистов являются также Прямухинские чтения, ежегодно проходящие на родине М. А. Бакунина в Тверской области, в родовом имении Бакуниных и привлекающие зарубежных сторонников и аналитиков этого течения.)

Обоснование народничеством идеи свободной кооперации и солидарности, его критика авторитаризма и диктатуры, очевидно, были причиной отрицательного отношения к народничеству со стороны И. В. Сталина. В 1935 г. было запрещено Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, закрыт журнал «Каторга и ссылка». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» была дана негативная и невежественная оценка народничества (даже без упоминания его главных представителей) как «злейшего врага марксизма», что прямо противоречило истории распространения идей марксизма в России, которое в действительности начали народники. Были прекращены издания сочинений П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачёва, М. А. Бакунина. Изучение народничества фактически было запрещено и возобновилось, хотя и в ограниченном объеме, лишь в начале 1960-х гг.

Отказ от народнического наследия выглядит особенно странно в контексте непрекращающихся пустых разговоров, ведущихся на разные лады в современной России, о проблемах в области налаживания «малого и среднего бизнеса», а это как раз та область, где народнические хозяйственные теоретики и практики достигли выдающихся успехов. В качестве редкого и чрезвычайно актуального обращения к этому наследию можно назвать фундаментальную монографию трех авторов, написанную на стыке философии и истории [1]. Большой интерес представляет, в частности, терминологический словарь в конце данной книги, содержащий описание и типологию различных форм артельного труда, причем не только хозяйственного, но и интеллектуального. Описано, например, «Приютинское братство», возникшее в середине 1880-х гг. в Петербургском университете, объединявшее таких известных ученых, как Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, И. М. Корнилов:

Братство просуществовало удивительно долго (в тех или иных формах около полувека), его участники сохранили и пронесли через всю свою жизнь «приятинскую идентичность», сложившуюся под влиянием славянофильских идей о соборности, а также идей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. Ф. Федорова [1, с. 660].

В данной монографии показано, что укорененность и распространенность артельного способа хозяйствования объяснялась не только и не столько его экономической эффективностью для целого ряда отраслей: артели рыболовов, грузчиков, строителей, носильщиков, плотников, каменщиков, бортников, бурлаков, вязальщиков, звероловов и охотников, землекопов, извозчиков, кузнецов, лесорубов, лодочников, маляров, носильщиков и погрузчиков, банщиков, пильщиков и др. Прибыль зачастую не выступала для артельщиков самоцелью, а совместный труд и складывавшийся вокруг него этос выступал в качестве самостоятельной ценности: артель воспитывает человека, способствует снижению отклоняющегося, преступного поведения. Артель здесь определяется как «добровольное (товарищеское) объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемое для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности» [1, с. 646]. К сущностным чертам артели авторы монографии относят: «Добровольность участия, равноправие, писанный или неписанный договор, приоритет трудового начала над капиталом, самоуправление, согласованность деятельности» [1, с. 17]. Особые нравы существовали в старообрядческих артелях, которые нельзя было рассматривать как некие демократические объединения по тем или иным профессиям. Напротив, решающее значение для вступления в артель имел «личный отбор», определенный уровень профессионализма, а также имущественный ценз. Теоретиком и практиком артельного дела выступал известный предприниматель В. П. Рябушинский, чья книга на эту тему была недавно переиздана [8].

Авторы монографии проводят ту мысль, что артель и кооперация являются разными формами социальной организации, причем сначала в России появилась артель, а кооперация возникла позднее, преимущественно с ориентацией на производственную кооперацию, опыт которой перенимался из Европы. В действительности бурный рост производственных коопераций наблюдался лишь в начале XX в., тогда как традиционная артель, основанная на круговой поруке, продолжала существовать параллельно с растущим кооперативным движением.

Народниками накоплен огромный опыт в области теории кооперации, отечествоведения, регионоведения, крестьяноведения, статистики, демографии, этнографии, социальной психологии, который ждет своих исследователей. Поэтому разговор о третьем «народническом Марксе» является также поводом для обращения к наследству, от которого не стоит отказываться, в отличие от наследства догматиков от марксизма, которое надо отделять от марксизма самого Маркса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2014.
2. Анархизм: Pro et Contra. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей. Антология. — СПб.: Изд-во РХГА, 2016.
3. Зензинов В. Пропадавшая грамота // Современные записки. — Кн. 14. — Париж, 1925.
4. Катков М. Н. По поводу статьи «Роковой вопрос» // Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. — СПб.: Росток, 2011. — Т. 3. — С. 108–126.
5. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Гл. IV // Электронный ресурс «Научно-просветительский журнал «Скепсис». — URL: http://scepsis.net/library/print/id_878.html
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1961. — Т. 19. — С. 599–625.
7. Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии. — СПб.: Изд-во РХГА, 2017.
8. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. — М.: Мосты, 1994.
9. Тютчев Ф. И. Россия и революция // Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 томах. — М.: Классика, 2003. — Т. 3. — С. 144–157.
10. Чернов В. Конструктивный социализм. — Прага: Воля России, 1925.
11. Late Marx and the Russian Road: Marx and “the peripheries of capitalism” / ed. by Theodore Shanin. — New York: Monthly Review Press, 1983.
12. Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. — London: S. Sonnenschein, 1899.